Жены военных контрактников пошли в наступление на тыл

Не успел 2018 год начаться, как разгорелись нешуточные страсти: взбунтовались жены военнослужащих контрактников воинской части 10103, находящейся почти в центре краевой столицы. Они обратились в средства массовой информации с просьбой защитить их мужей. По их версии, супругов заставили делать ремонт в казарме за собственный счет. Казарма действительно требует как минимум косметического ремонта, для того чтобы стать пригодной для комфортного проживания. Но подоплекой скандала, как водится, была совсем другая причина.

После двух мощных пург, которые пронеслись над камчатской краевой столицей, военная техника на территории вышеуказанной воинской части оказалась под глубоким слоем снега. Когда подтаявший снег прихватило морозом, колеса техники, стоявшей на улице, примерзли к асфальту. По каким-то причинам военнослужащие контрактной службы решили, что не царское это дело – махать лопатой, откапывать боевые машины и содержать их в постоянной готовности. Они ждали, что за них это сделает кто-то другой. Отцы-командиры, недолго думая, объявили казарменное положение, т. е. военнослужащим какое-то время вменялось в обязанность жить не дома, а в казарме. При этом защитники Отечества должны были «денно и нощно» приводить технику в порядок, а заодно обустраивать и свою казарму. Разумеется, домой бравые морпехи попадали либо поздно вечером, либо не попадали вообще. Вот тогда их жены возмутились и выплеснули свои печали на информационные ленты и печатные страницы газет, а также в социальные сети.

Не удержусь от банального суждения – военная служба не сахар. Есть в воинском уставе требование к военнослужащим: «Стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы». Если военачальник (а он имеет на это право) объявил казарменное положение в связи с неудовлетворительным содержанием военной техники, значит, так тому и быть. Можно, конечно, казарму не приводить в порядок и отказаться покупать необходимые материалы для ремонта, и это будет правильно с точки зрения закона. Тогда не надо возмущаться необустроенным бытом. В полевых условиях жизнь военнослужащего более дискомфортна, чем в казарме, однако бойцы терпят и не ропщут.

Представим себе картину, что на корабле военно-морского флота после пурги все оружие и технические средства, расположенные на верхней палубе, занесены снегом. Для того чтобы привести их в состояние боевой готовности, нужно убрать снег. Экипаж не успевает справиться с этой работой, и командование корабля объявляет аврал. Военнослужащие, не считаясь с личным временем, трудятся до тех пор, пока не приведут технику в эксплуатируемое состояние. Эти работы могут продолжаться в течение суток. Затем корабль уходит в плавание. Жены военных моряков в таком случае должны просто объявить голодовку или, как минимум, пожаловаться в ООН.

Наверное, главная внутренняя проблема нынешней армии заключается в том, что все вышестоящее командование выросло на принципах и примерах службы в Советской Армии. Они стараются применить лекала Советской Армии к новой, Российской. Для офицеров советской формации требование отдавать все свое время службе воспринимается как данность. Молодое же поколение имеет несколько иную систему служебных ориентиров.

Приведу небольшой пример. В далеком 1985 году в поселке Тихоокеанском Приморского края во время крещенских морозов по какой-то причине лопнула труба подвода горячей воды к жилому пятиэтажному дому. Авария произошла около часа ночи. Температура на улице была минус 27 градусов. К этому можно добавить еще ветер, достигающий в порывах до семи метров в секунду. Несколько экипажей боевых кораблей, дислоцирующихся в бухте Абрек (в шести километрах от поселка), подняли по тревоге. Нас, офицеров и матросов, отправили пешком (автомобили оказались технически не готовы выехать из боксов) в поселок. Раздали кирки, ломы, лопаты и поставили задачу выкопать траншею в мерзлой земле, чтобы добраться до порыва в трубе. Дальше должны были действовать коммунальные службы. В рабочем состоянии не оказалось ни одного экскаватора, ни другой специальной техники. Время шло на часы. Некогда было рассуждать, кто виноват и почему. Нам нужно было спасать жителей дома.

Долбить мерзлую землю – такого и врагу не пожелаешь. Поэтому мы разобрали рядом стоящий забор, разложили его на мерзлой земле и подожгли. Когда земля немного оттаяла, мы начали ее долбить. Затем в выдолбленной канаве снова разводили большой костер. Всего нужно было прокопать около 40 метров в длину и около метра в глубину. Работали посменно. Офицеры точно так же как матросы махали кирками и лопатами. Греться ходили небольшими группами в подъезды соседнего дома. Некоторые из нас получили обморожение лица и рук. Но с задачей мы справились, аварию устранили.

Теперь посмотрим, как эта ситуация могла бы выглядеть сейчас. Наши героические морпехи отказались бы исполнять непрофильную задачу, а тем более идти пешком шесть километров в почти 30-градусный мороз, чтобы делать чью-то работу. Интересно, что бы сказали жены контрактников, если бы их суженых зимой в крепкий мороз подняли среди ночи и заставили рыть канаву?

Офицеры и матросы середины 80-х годов не спрашивали, почему им выпало делать непрофильную работу, почему не завелась техника, почему не направили устранять аварию солдат из стройбата, – они просто исполняли приказ. Не выкопай мы тогда траншею, жители дома могли бы замерзнуть.

Приведу еще один пример, когда на каком-нибудь инструктаже или на разборе ракетной стрельбы начальник в звании вице-адмирала мог устроить разнос офицерам, младшим по званию. При этом из каждых произнесенных им десяти слов восемь были матерными. В свою очередь обматеренные офицеры устраивали такой же разнос матросам. Никому и в голову не приходило пожаловаться на грубость вышестоящего начальника. Сегодня, если кто-то из командиров отправит контрактника в эротическое путешествие, то у отправителя могут возникнуть серьезные проблемы, вплоть до увольнения из ВС РФ. Хорошо, что наша армия дошла до такого совершенства в отношениях. Плохо другое, что постсоветское командование продолжает в тех же выражениях устраивать разносы офицерам рангом пониже, выходцам из Советской Армии. Хотя требует, чтобы к контрактникам относились максимально корректно. Согласитесь, в этом случае присутствует некая двуличность. В общем смысле это, наверное, можно сформулировать так: вышестоящее командование, прибегая к формуле «начальник всегда прав», начало иногда получать мотивированное возражение, причем в ультимативной форме (я имею в виду обращение в прокуратуру, суд, СМИ и т. п.), и поэтому вынуждено делать шаг назад. Контрактники чувствуют эту слабость и злоупотребляют ею. Ситуацию усугубляет еще и то обстоятельство, что молодой 22-летний офицер, только закончивший военное училище, вряд ли может иметь авторитетный вес в глазах сержанта-контрактника, которому уже более 35 лет. Прослойка младших командиров, на мой взгляд, размылась между старшими офицерами и контрактниками. Для последних начальник начинается не с взводного или ротного, а с командира батальона.

Офицеры советских времен не лучше и не хуже нынешних, они просто другие. У них иное понятие долга перед Отечеством. Они выросли на других ценностях. Контрактники («контрабасы») застали их в званиях майоров, капитанов, подполковников. Постсоветские офицеры относились к «контрабасам», как к причудливому лику военнослужащего в новом, плохо прорисованном образе. Для них контрактники были неиссякаемым источником проблем. «Контрабасы» в Российской Армии приживались

трудно, неспокойно, я бы даже сказал с надрывом.

Теперь отцы-командиры должны считаться с тем, что у контрактников есть жены, готовые вступиться за мужей в любую минуту. Это, безусловно, мощная сила. Может быть, лучше им поручить сделать ремонт в казарме в/ч 10103, а заодно и снег откидать от бронетранспортеров? А мужья пусть посидят дома с детьми, отдохнут, свернут фигу в кармане своим командирам, пожалуются родителям, уполномоченному по правам человека или еще кому.

«Контрабасы» – порода нежная, с переживаниями и тонкой субтильной настройкой. С ними надо поласковее…

Вячеслав Скалацкий